

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ КАК ИСТОЧНИК
КУЛЬТУРНОЙ КОННОТАЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ А. ПРИСТАВКИНА
«НОЧЕВАЛА ТУЧКА ЗОЛОТАЯ»)**

Л.Ш. Мигранова

Аннотация. Образы животных, послужившие основой создания фразеологизмов, исследованы как единицы зооморфного кода культуры. Рассмотрена внутренняя форма фразеологической единицы. Проведенный лингвокультурологический анализ фразеологических единиц раскрывает характерные черты, признаки, особенности поведения животных, перенесенные на человека.

Ключевые слова: фразеологическая единица; внутренняя форма; культурная коннотация; зооморфный культурный код; лингвокультурологический анализ.

В культуре существует система информационных знаков (культурные коды), в основе которой лежит способность человека соотносить явления из разных областей, выделяя у них главные признаки. Культурный код является важным звеном в лингвокультурологическом анализе фразеологизмов. Лингвокультурологический анализ позволяет установить соотношенность фразеологизма с кодами культуры – теми реалиями, которые человек наделил культурным смыслом. Культурный код – это система знаков материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов, которые «прочитываются» в данных знаках [1. С. 7–9]. Главной функцией кода культуры является описание культурного пространства, а его формой – различные знаки материального и духовного мира. Таким образом, код культуры – это такая категория, которая репрезентирует культурные смыслы.

Фразеологические единицы как знаки языка и культуры изучаются в лингвокультурологическом аспекте, который берёт начало в исследованиях В.Н. Телия, В.В. Красных, Д.Б. Гудкова, М.Л. Ковшовой и др. Основной целью лингвокультурологического анализа фразеологической единицы является выявление и описание культурно-национальных коннотаций. Носителем культурной коннотации во фразеологизмах является их образное основание – внутренняя форма. Внутренняя форма играет особую роль в семантической структуре фразеологической единицы. Интерпретация образного основания фразеологизма (внутренней формы) в знаковом культурно-национальном пространстве русского языка является механизмом вскрытия культурной коннотации.

Самое важное для понимания внутренней формы фразеологизма – это построение образов, их интерпретация, сама человеческая спо-

способность создавать образы, осознавать в языковых формах. Внутренняя форма при этом понимается как способ организации значения фразеологической единицы, как образ, лежащий в основе номинации фразеологизмом определенной ситуации объективной (или субъективной) действительности. В создании образа участвуют слова-компоненты в составе фразеологизма, который и мотивирует его значение.

Соотношение слов-компонентов фразеологизма с кодами культуры, по мнению М.Л. Ковшовой, является «ключевым звеном его культурной интерпретации», поскольку «именно эта процедура обуславливает декодирование культурных смыслов фразеологизма, которые служат интерпретантами фразеологического знака, реконструирует культурную коннотацию фразеологизма, формирует его роль как знака культуры» [2. С. 65].

Предметом нашего исследования является зооморфный код, под которым понимают «совокупность обусловленных культурой стереотипных представлений о свойствах, характеристиках или особенностях поведения животных, которые выступают как источник осмысления человеком мира и несут в дополнение к своим природным свойствам функционально значимые для культуры смыслы» [3. С. 256].

Животный мир – символическая парадигма, своего рода символический код мироздания, «модель человеческого общества и природы в целом». «Представления о реальных способностях животных в сочетании с их использованием в классификациях, являющихся способом объяснения человеком самого себя и окружающей природы, создают возможность для <...> мифологической персонификации себя в природе, для подчеркивания своего единства...» [4. С. 15]. Животный мир выступает в качестве универсального культурного принципа метафоризации, охватывающего концептуальный каркас русской языковой картины мира.

В качестве материала исследования была выбрана повесть А. Приставкина «Ночевала тучка золотая» [5]. Писатель широко использовал выразительные возможности фразеологии. Употребляя фразеологические единицы, автор не только украшает речь, но и вносит дополнительные (семантические и стилистические) оттенки, оживляя тем самым тот или иной образ, что во многом способствует адекватному восприятию контекста или текста в целом. Изучение фразеологии важно для познания самого языка. Знакомство с ней позволяет глубже понять историю, характер народа, менталитет, мировоззрение писателя. Картинность и образность речи автора, которые создаются с помощью использования устойчивых оборотов, действуют на воображение читателей, заставляя их сильнее переживать прочитанное. Фразеологические богатства языка оживают под пером писателя и становятся источником новых художественных образов.

В статье мы рассмотрим образы, заложенные во внутренней форме фразеологической единицы, а культурный комментарий фразеологизма раскроет глубинные коды культуры, воплощенные в языке.

В повести директора Томилинского и Таловского интернатов названы «тыловыми крысами»: «...непрощение вам, жирные *крысы тыловые*, которыми был наводнен наш дом-корабль с детишками, подбранными в океане войны...» [Там же. С. 31].

Тыловая крыса. Человек, не принимающий участия в боевых действиях, отсиживающийся в тылу. Подразумевается, что кто-либо во время войны находит службу вдали от фронта. Говорится с неодобрением. Крысой также грубо называют человека, деятельность которого вызывает у окружающих пренебрежение или презрение.

Фразеологизм соотносится с зооморфным кодом культуры, т.е. с совокупностью имен животных, выступающих как носители приписываемых им культурой качеств, что придает этим именам роль знаков «языка» культуры. Согласно этому коду крыса предстает существом неприятным до омерзения, подлым, эгоистичным и злобным. Крыса связана также с представлением о трусости и предательстве: именно крысы первыми покидают тонущий корабль. В основе фразеологизма лежит зооморфная метафора, т.е. уподобление животного и человеческого миров.

Тыл как безопасное место противопоставляется фронту и в фразеологическом образе выступает как прибежище для трусов [6. С. 700].

Крыса – человек жадный, хитрый, изворотливый, мелочный, ничтожный, трусливый, лживый, подлый, склонный к предательству; внешние физические данные: некрасивый, слабо развитый. В русском языке зоониму «крыса» присуща отрицательная коннотация. Издревле крысы фигурируют в русских сказаниях и поверьях в качестве негативного персонажа. Это послужило источником формирования устойчивого оборота. Образ крысы несет в себе функцию отражения человеческой натуры. Национально-культурный компонент структуры лексического значения зоонима «крыса» представлен следующим образом: 1) взгляд как у крысы («беглый, обследующий все вокруг»); 2) готовность на все ради выживания в критический момент, в условиях голода, холода и т.п.

Следует отметить, что данная фразеологическая единица распространена дополнительным фразеологическим компонентом – прилагательным *жирный* (*перен.* «толстый, тучный, ожиревший»). Писатель намеренно использует прием изменения лексического состава компонента фразеологической единицы за счет его расширения. Таким образом, прилагательное «жирный» способствует усилению фигуры директора детского дома на фоне детей-сирот и вызывает еще большее отторжение, отвращение.

Директора действительно имеют сходство с крысой: внешнее, визуальное («коротенькие ручки, ножки», довольно упитанные) и по тому положению, какое они заняли (не на фронте, как полагается здоровому мужчине, а «от войны за детишками спасаются» [5. С. 22]).

К образу барана обращаются для характеристики глупого (баран – дурень) и бестолкового человека (в отрицательном смысле). Ср.:

«Сашка его легонечко в бок шуркнул:

– Чево, как баран на новые ворота-то... Батон это! Белая такая булка, в кино показывали...

Прошептал, а у самого в горле как кусок глины завяз, ни проглотить, ни выплюнуть. А все этот чертов батон, который перед глазами у них маячил» [Там же. С. 34].

Как баран на новые ворота. С недоумением, ничего не понимая. Говорится с неодобрением. Фразеологический образ восходит к анимистическому, одушевляющему зооморфный мир представлению. Фразеологизм связан также с архетипическим понятием «иной».

Компонент «баран» соотносится с зооморфным кодом культуры, совокупность компонентов «новые ворота» – с вещным и временным кодами культуры.

В основе создания фразеологизма лежит эталонизация глупости. Такое свойство человека, как неумение разобраться в неожиданно возникшей ситуации, уподоблено свойствам, которые человек «приписывал» барану, – тупости, ограниченности.

Сравнение глупого человека с объектами зооморфного мира основано на представлении об инаковости дурака, о его иной ипостаси.

Фразеологизм в целом является эталоном интеллектуальной неразвитости, тупости человека [6. С. 289, 290].

Отметим, что символом тупости баран служит в современном бытовом фольклоре. Поменял хозяин ворота, а бараны, возвращаясь вечером с пастбища, смотрят на новые ворота: «Ворота другие – значит, и двор не мой». Именно новые ворота, как что-то необычное, «сбивают с толку» барана. Вот и стал баран в русском языке символом глупости и недоумения.

Рассмотренная фразеологическая единица очень точно характеризует одного из братьев – Кольку, который умел воплотить идеи в жизнь («руки-ноги братьев»), тогда как Сашка был генератором идей («голова братьев»).

Следующий фразеологизм, основанный на наблюдении за поведением и повадками собаки, подчеркивает ее верность и преданность (ср., *при верном псе и сторож спит*). Для русских собака – домашнее прирученное человеком животное, древнейший и первый друг человека, помощник в охоте, сторож, проводник.

Рассмотрим пример, где употребляется зооним «собака» для описания человеческих качеств и модели поведения: «В магазинчике сторож всю ночь, злой старикашка. Не пьет, не спит, ему дня хватает. Не сторож – собака на сене» [5. С. 13].

[Как] собака на сене. Ни себе, ни другим. Говорится с неодобрением.

Выражение восходит к басне древнегреческого баснописца Эзопа о собаке, которая рычит на лошадей, не подпуская их к сену, хотя сама его не ест.

В основе фразеологического образа лежит древнейшая мифологическая форма осознания мира – анимистическая, т.е. олицетворяющая объекты зооморфного мира. В основе создания фразеологизма лежит аналогия «животное – человек». Фразеологический образ восходит также к древнейшей архетипической оппозиции «свой – чужой».

Компонент фразеологизма «собака» соотносится с зооморфным кодом культуры, содержащим представления о различных видах домашних животных, компонент «на» – с пространственным кодом культуры, а компонент «сено» – с растительным.

В основе фразеологизма лежит метафора, уподобляющая скупого, жадного человека собаке, охраняющей то, что ей самой не нужно. В этом образе представлен также оксюморон, построенный на внутренней несовместимости образа, формируемого с помощью компонентов «собака» и «сено»: собака ни при каких обстоятельствах не ест сено. Кроме того, в создании фразеологизма участвует аллитерация – повторение согласного звука «с» в начале слов-компонентов, что придает ему особую звуковую выразительность.

Фразеологизм в целом выступает в роли эталона жадности, алчности, а также недоброжелательного, своекорыстного отношения к другим людям [6. С. 315, 316].

В категориях русской культуры данной фразеологической единице свойственна негативная оценочность. Такие качества характера сторожа, как защита, бдительность, чуткость, по мнению Сашки и Кольки, мешают осуществить задуманное: вдоволь наесться, поэтому в рассмотренном контексте фразеологизм звучит как ругательное выражение.

Фразеологические единицы с зоонимами, обладая высоким коннотативным потенциалом, активно используются писателем для создания образа каждого персонажа. С одной стороны, образу животного приписываются антропоморфные свойства (черты характера, поведения, образа жизни человека), с другой – этот образ проецируется на человека, которому приписываются зооморфные характеристики (повадки, нрав, внешний вид животного).

Проведенный нами анализ позволяет рассмотреть глубокий культурный подтекст, заключенный именно в фразеологизмах. Комментарий национально-культурных коннотаций фразеологических единиц, заложенных во внутренней форме, способствует пониманию глубинных черт менталитета, особенностей миропонимания русского социума.

Литература

1. *Гудков Д.Б., Ковшова М.Л.* Телесный код русской культуры. М. : Гнозис, 2007. 288 с.
2. *Ковшова М.Л.* Анализ фразеологизмов и коды культуры // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2008. Т. 67, № 2. С. 60–65.
3. *Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций. М. : Гнозис, 2002. 284 с.
4. *Топоров В.Н.* Первобытные представления о мире (общий взгляд) // Очерки по истории естественных наук в древности. М., 1982. С. 8–40.
5. *Приставкин А.* Ночевала тучка золотая // Собрание сочинений : в 5 т. М. : АСТ: Зебра Е, 2009. Т. 2. 480 с.
6. *Большой фразеологический словарь русского языка* / отв. ред. В.Н. Телия. 4-е изд. М. : АСТ-Пресс книга, 2009. 784 с. (Фундаментальные словари).

PHRASEBOOK IMAGE AS A SOURCE OF CULTURAL CONNOTATIONS (A. PRISTAVKIN "GOLDEN CLOUD SPENT THE NIGHT")

Migranova L.Sh. Department of Russian Language and Stylistics and Journalism, Bashkir State University, Sterlitamak branch (Sterlitamak, Russian Federation).

E-mail: warrior_81@mail.ru

Keywords: the phraseological unit; the internal form; cultural connotation; the zoomorphic cultural code; linguocultural analysis.

Summary. In article the internal form of the phraseological unit being a peculiar intermediary in the cultural space is considered. Images of animals formed a basis of phraseological units, are regarded as units of the zoomorphic culture code. The carried-out linguocultural analysis of the phraseological units reveals characteristics, markers, peculiarities of behavior of the animals, transferred to the person.